

И.В. Голубович

СМЕХ НА ГРАНИЦЕ СУБУНИВЕРСУМОВ РЕАЛЬНОСТИ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ А. ЩЮЦА

В феноменологической социологии Альфреда Щюца важнейшую роль играет концепция субуниверсумов реальности (sub-universes) или «конечных областей значения» («finite provinces of meaning»). И эта концепция связана с особым пониманием Щюцем природы социальной реальности. По его мнению, социальная реальность – это вся совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью. Таким образом постулируется, что источник социального мира субъективен – это мы сами.

В обосновании этой мысли А.Щюц следует, прежде всего, за идеями Э.Гуссерля, связанными с «жизненным миром», а также за У.Джеймсом и его концепцией «многообразных миров опыта». А.Щюц выдвигает предположение о существовании разнообразных порядков реальности. Это «миры» повседневности, науки, религии, искусства, игры, а также «полнейшего сумасшествия и безумия» и множество других порядков реальности. Каждый из этих «миров» («пока он присутствует в нас») реален своим собственным образом и обладает особым и отдельным стилем существования. Здесь очень важным является обращение к «Картезианским размышлениям» Гуссерля, где обосновывается следующая мысль: «я (осознающее себя как «трансцендентальное ego») в своей конститутивной жизни конституирует все, когда-либо оказывавшееся для меня объективным» [1. С. 198]. А гуссерлевское положение из тех же «Картезианских размышлений»: «сколько видимости, столько бытия» позволяет обосновывать реальность результатов любых актов нашей смыслополагающей активности, в том числе, и по созданию таких интенциональных целостностей (а ими могут быть конститулируемые нами субуниверсумы реальности), которым, казалось бы, ничего не соответствует в действительности.

Субуниверсум реальности, по А.Щюцу, представляет собой совокупность данных нашего опыта, демонстрирующих определенный когнитивный стиль и являющихся по отношению к этому стилю совместимыми друг с другом и непротиворечивыми в себе. Каждый из подобных субуниверсумов характеризует: а) специфическая форма переживания времени; б) особые формы базовых категорий мышления – осмысление пространства, времени, причинности; в) особенное эпохе; г) особая форма активности.

В феноменологической социологии повседневный мир (смысловой универсум, мир значений и физический вещей, воспринимаемых здравым смыслом, поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта) является первостепенной и высшей реальностью («paramount reality»).

Каждый из нас может совмещать в себе «конечные области значений». Мы можем пребывать в мире научного теоретизирования, художественного творчества, сверхъестественного мира ада и рая. Эти миры А.Щюцем определены как «конечные», ибо они замкнуты и переход из одной области в другую требует особого, подчас болезненного смыслового скачка, переориентации нашего восприятия [2. С. 81]. А гарантом того, что такая перенастройка все-таки возможна, будет первостепенная реальность повседневного мира.

Одна из возможных тем исследования в рамках данной традиции социального анализа - описание особого субуниверсума вымысла, фантазии, мира «понарошку» («Let's pretend world», как об этом пишет сам А.Щюц), где смысловая связь будет устанавливаться и как смеховая. И феноменологический анализ специфической работы сознания, конституирующего такой мир, – задача важная и интересная.

Однако повод для нашего нынешнего обращения к «смеховой» проблематике в рамках феноменологической традиции в несколько ином контексте дал сам А.Щюц в своей

блестящей работе «Дон Кихот и проблема реальности» [4]. Проблема, которая прежде всего интересовала здесь мыслителя, заключается в следующем: как Дон Кихот наделяет печатью первостепенной реальности свой субуниверсум вымысла («мир рыцарства», он же для других – «мир донкихотова безумия»)? Другими словами, как удастся хитроумному идальго постоянно воспроизводить этот первостепенный статус своего «мира рыцарства», когда он сталкивается с «верховой» реальностью повседневности, в «которой нет места замкам, армиям и гигантам, а присутствуют просто постоянные дворы, отары овец и ветряные мельницы» [4, с. 146]. Это объясняется многими причинами. Мы же предполагаем, что одна из них - установление некоей пограничной зоны между донкихотовым субуниверсумом и миром повседневного опыта, в котором пребывают «санча пансы». И эта зона – зона притворства, смеха, где все происходит «понарошку». И «акторы», эксперты повседневного мира как раз и создают такую зону в полной уверенности, что сам Дон Кихот относится к ней предельно серьезно.

Существование такой зоны как раз и делает возможным коммуникацию «странного» рыцаря с окружающими людьми и сохранение его собственного уникального мира от краха. Без установления зоны смеха, возможно, не было бы и самой истории путешествий и подвигов странствующего рыцаря.

Вспомним первый выезд Дон Кихота из своих владений на славные подвиги и его посвящение в рыцари, состоявшееся на постоялом дворе. Как уже тут, столкнувшись с хозяином постоялого двора и девушками легкого поведения, он нисколько не усомнился в первореальности своего рыцарского мира? Это произошло потому, что хозяин гостиницы («малый не промах» – а значит, настоящий эксперт мира повседневности), «догадавшись, что его гость - сумасшедший...и чтобы позабавиться...решил потакать его сумасбродству» [3]. Он, во-первых, определил ситуацию коммуникации, вернее, даже переопределил её, поскольку первоначально он был «смущен» просьбой странного постояльца посвятить его в рыцари. Места такому “посвящению” и такого рода опыту в повседневной реальности просто нет. И только тогда, когда мир Дон Кихота был определен как особый мир «душевной болезни», представитель мира повседневности смог установить «пограничную зону», субуниверсум дискурса («sub-universe of discourse») с рыцарем, где смех и притворство играли ключевую роль. И эту зону поддерживают другие представители мира повседневности (девицы легкого поведения (исполняющие роль знатных дам) во время торжественной/потешной процедуры посвящения идальго в рыцари «готовы были лопнуть со смеху»).

Пограничная смеховая зона не дает разрушиться «рыцарскому субуниверсуму» Дон Кихота и позволяет герою Сервантеса сохранить веру в «сущностную тождественность интересубъективного мира» или, в терминологии самого Щюца, уверенность в соблюдении принципа «взаимозаменяемости перспектив» [5].

Тот же хозяин постоялого двора, как бы в насмешку, подсказывает Дон Кихоту, кто в дальнейшем сможет исполнить роль «медиатора» и переводчика с языка рыцарских романов на язык повседневности, предлагая найти верного оруженосца, роль которого блестяще исполнил Санчо Пансо.

Вместе с тем, пограничная зона субуниверсума «понарошку» достаточно зыбка. Ведь её «несерьезный» характер установлен только одной стороной – полномочными представителями мира повседневности. Желание одного из героев – толедского купца («немножко шутника и большого остроумца») установить зону шутки по поводу признания несравненной Дульсинеи Тобосской «самой прекрасной девицей на свете» чуть не кончается плачевно, правда, для самого Дон Кихота. Шутник захотел доказательств красоты и несравненности Дульсинеи, но Дон Кихот требует принять эту очевидную истину без доказательств, оскорбляющих прекрасную даму, и вызывает наглеца, посмевавшегося усомниться в несомненном, на бой.

Хотя, в другой ситуации и сам Дон Кихот насмеялся над «очарованными»

представителями мира повседневности. Они, благодаря «чарам волшебников», охраняющим мир Дон Кихота, не видят очевидного: волшебный шлем Мамбрина – предмет необычайной ценности для них – предстает просто как таз для бритвы, принадлежащий цирюльнику. Волшебники, выполняющие роль причинности в субуниверсуме Дон Кихота, смеются над уверенными в своей правоте простаками.

Однако зона смеха («зона понарошку») может, на наш взгляд, быть лишь пограничной зоной, для того, чтобы конечные области значений сохранились в своей неприкосновенности и реальности, не потеряли свой когнитивный стиль. Когда во второй части бессмертного романа читатели познакомились с историей приключений Дон Кихота, они конструируют специально для Дон Кихота целый мир, искусственно воспроизводящий законы родного для рыцаря субуниверсума. Делается это в надежде на то, что этот мир будет принят Дон Кихотом как реальный в понятиях его частного смыслового универсума. Но поскольку, «они никогда не наделяли свой притворный мир значимостью реальности, то их попытки установить универсум дискурса с Дон Кихотом были безуспешны, и, следовательно, они не смогли прийти к подлинно социальным отношениям с ним. Это приводит...к личной трагедии и кончине рыцаря» [4, с. 156].

Так А.Щюц развивает мысль о том, что конечные области значений все-таки не являются абсолютно замкнутыми. Они содержат анклавы опытов трансцендентности, относящихся к другим сферам реальности. И через эти анклавы врывается в субуниверсум Дон Кихота «мир понарошку», который и разрушает собственный мир рыцаря Печального Образа. Вскоре он и сам начинает сомневаться в том, что его мир – это действительно мир рыцарства, а Дульсинея действительно существует. В итоге Дон Кихот утрачивает свою магическую силу самозаколдованности (self-enchantment).

При таком столкновении с особым субуниверсумом притворства и насмешки разрушается, по мнению А.Щюца, фундаментальная основа интерсубъективного опыта – вера в правдивость Другого, в само собой разумеющуюся возможность Другого выделять как реальный один из бесчисленного множества субуниверсумов. Подлинная социальная коммуникация базируется на уверенности в том, что и Другой также принимает мое определение того, что «я считаю моей мечтой, моим вымыслом, моей реальной жизнью» [4, с. 166].

Мы предложили лишь одно из возможных направлений анализа проблемы смеха, вымысла, притворства в рамках феноменологической социологии. И данное направление исследований обладает, на наш взгляд, значительным познавательным потенциалом.

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – С.-П., 1998.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1996
3. Сервантес М. де Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. В 2-х ч. – М., 1978.
4. Щюц А. Дон Кихот и проблема реальности// Философская и социологическая мысль. – 1995. – № 11-12. – С.144-169.
5. Щюц А. Структура повседневного мышления//Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129-133. Щюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках// Американская социологическая мысль. Тексты - М., 1994.